

Коновалов Александр Олегович

Ближний Восток в системе внешнеполитических приоритетов Российской Федерации: геополитические концепции XXI в., перспективы, реальность

Специальность 23.00.04 - Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ

на соискание ученой степени

кандидата политических наук

Работа выполнена на кафедре мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета

Научный руководитель: Ягья Ватаняр Саидович,
доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой мировой политики факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Официальные оппоненты: Панин Виктор Николаевич,
доктор политических наук, профессор,
директор Института международных отношений Пятигорского государственного лингвистического университета

Пересыпкин Олег Герасимович,
доктор исторических наук, профессор,
заслуженный работник дипломатической службы Российской Федерации,
Чрезвычайный и Полномочный Посол,
руководитель Центра евразийских исследований Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»

Защита состоится 28 октября 2016 года в 18:00 на заседании Совета Д212.232.65 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 191060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного 1/3, подъезд 8, факультет международных отношений СПбГУ, аудитория № 100.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9) или на веб-сайте <http://spbu.ru/>.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2016 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

Портнягин Д.И.

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена все возрастающим значением обостряющейся ситуации на Ближнем Востоке в мировой политике. Черда революционных событий в регионе во втором десятилетии XXI века, началом которых принято считать так называемую «жасминовую революцию» 2010 г. в Тунисе и получивших впоследствии название «арабской весны», не только привела к переменам на геополитической карте региона, но и обнажила глубинную структуру сложнейших проблем международных отношений. Волна народных протестов, охватившая почти все ближневосточные государства, стала неожиданной для основных игроков на международной арене и вынудила их приспособливаться к сложившейся обстановке.

На этом фоне особенно ярко проявилась характерная для держав Запада приверженность традиционным «колониальным» клише в отношениях со странами «третьего мира»: стремление навязать свои политические и культурные ценности, интервенционизм, стремление к сохранению и приобретению контроля над природными ресурсами, упрочению своего доминирующего положения в мировом сообществе. Вмешательство внешних сил «в поддержку демократических реформ» не оказало положительного воздействия на обстановку в арабском мире и, более того, способствовало проявлению у революционных движений религиозных черт, распространению радикализма, терроризма и экстремизма на просторах Северной и Северо-Восточной Африки, на Ближнем и Среднем Востоке. Огромное значение приобрели современные медиа-технологии и приемы ведения информационных войн, которые в сочетании с финансовыми возможностями ряда стран, оказали значительное влияние на рост радикального исламизма. Те же причины привели к нарушению внутрирегионального баланса сил – заметному увеличению влияния одних государств на фоне значительного ослабления других.

Россия не осталась в стороне от вышеупомянутых событий, но, несмотря на высокую степень вовлеченности в региональные события, нельзя не отметить, что политика Москвы на Ближнем Востоке не претерпела значительных изменений за последние 15 лет. Ее столпами по-прежнему являются сохранение независимости и суверенитета стран региона, необходимость продолжения процесса ближневосточного урегулирования с учетом, прежде всего, прав палестинского народа, а также противодействие и сдерживание зачастую агрессивной внешней политики США и других стран Запада.

Значительные изменения политической обстановки в регионе требуют адекватного анализа внешней политики, проводимой Москвой на данном направлении, и осуществления жизненно важных изменений в последней. Необходимость адаптационных перемен усиливается постепенным реформированием стратегии США на Ближнем Востоке с учетом всех произошедших и происходящих событий, распространения экстремистских взглядов и расширения зоны действий террористических организаций. Сдвиги в геополитической карте региона тесно связаны с изменениями ролей внешних акторов, включая Россию и США. Одновременно трансформируется и восприятие ведущих держав мира региональными игроками.

Актуальность изучения ближневосточного вектора становится еще значительнее, если принять во внимание возрастающую степень вовлеченности России в ближневосточную политику. В сентябре 2015 г. началась военная кампания России в Сирии, направленная на уничтожение террористической организации «Исламское государство» (ИГИЛ), которая является вызовом для благополучия и безопасности всего мирового сообщества, в том числе и России. Как неоднократно отмечал Президент В.Путин, Россия находится в Сирии по просьбе ее законных властей и, нанося удары по ИГИЛ, защищает свою независимость и суверенитет и предотвращает проникновение терроризма на нашу территорию, а также борется за безопасность всего мира.

Степень изученности и разработанности проблемы. В качестве основной проблемы данной работы диссертант рассматривает сопоставление ближневосточного вектора с глобальной системой российской внешней политики. Прежде всего, следует отметить, что отдельные аспекты международных отношений на Ближнем Востоке достаточно плодотворно исследуются российскими и иностранными учеными. Так, проблемам мировой политики и международных отношений в их ближневосточном преломлении посвящены работы Лебедевой М.М., Лукьянова Ф.А., Мирского Г.И., член-корреспондента РАН Наумкина В.В., Панина В.Н., Пересыпкина О.Г., академика РАН Примакова Е.М., академика РАН Торкунова А.В., Тренина Д.В., Ягья В.С.¹ Существенный вклад в изучение причин, последствий и истории развития так называемой «арабской весны» в странах региона внесли академик РАН Васильев А.М., Гасанбекова Т.И., Мельянцев В.А., Несмиян А.Е., Петров Н.И., Ходынская-Голенищева М.С.² Вопросы политического ислама и его роли в жизни ближневосточных, центральноазиатских государств и России подробно изложены Ачкасовым В.А., Бакониной М.С., Видясовой М.Ф., Герасимовым И.В., Гуторовым В.А. Дьяковым Н.Н., Кисриевым Э.Ф., Ланцовым С.А., член-корреспондентом РАН Наумкиным В.В., Орловым В.В.,

---

¹ Лебедева М.М. Современные глобальные проблемы мировой политики. Под ред. М.М.Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2009. 256 с.; Лукьянов Ф. Алавитский Израиль [Электронный ресурс]// Россия в глобальной политике. 2015. 10 сентября. URL: <http://www.globalaffairs.ru/redcol/Alavitskii-Izrail-17674>; Мирский Г. И. Драма Арабского Востока // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 11. С. 77-87; Наумкин В.В. Исламский радикализм и внешнее вмешательство в глубоко разделенных обществах Ближнего Востока// Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка)/ под ред. В.В.Наумкина, Д.Б.Мальшевой. М.: ИВ РАН, 2015. С. 25-52; Панин В.Н., Рябцев В.Н. К проблеме прогнозирования динамики геополитически нестабильных регионов современного мира (на примере Ближнего и Среднего Востока)// Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2014, № 2. С. 263-269; Пересыпкин О.Г. Из дальних странствий возвратясь... М.: Восток-Запад, 2010. 224 с.; Примаков Е.М. Остановиться за шаг до хаоса//Российская газета, Федеральный выпуск №5697 (24), 06.02.2012; Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). М.: ИИК «Российская газета», 2006. 384 с.; Торкунов А. Современные международные отношения. Учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2012. 688 с.; Тренин Д. Post-impērium: евразийская история. М., Российская политическая энциклопедия, 2012. 326 с.; Ягья В.С. Мир в начале второго десятилетия XXI века// Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке: сб. статей / под ред. В.С.Ягья, Т.С.Немчиновой. СПб.: СПбГУ, 2013. С. 56-135.

² Арабский кризис и его международные последствия. Под общей ред. академика А.М.Васильева. М.: ЛЕНАНД, 2014. 256 с.; Васильев А.М., Петров Н.И. Рецепты Арабской весны : русская версия. М.: Алгоритм, 2012. 304 с. С. 35-97; Видясова М., Гасанбекова Т. «Голубая книга» тунисских умеренных исламистов: прожектерство или коварная политическая игра? // Арабский мир в потоке событий и времени. М: Институт востоковедения РАН, 2014. С. 32–56; Эль-Мюрид. Если завтра война. «Арабская весна» и Россия. М.: Книжный мир, 2013. 240 с.; Мельянцев В. Арабские страны: кризис модели развития // Азия и Африка сегодня. 2012. № 5. С. 17–20.

Саватеевым А.Д.³ Изучением современных геополитических концепций и вопросов их реализации во внешней политике России занимались Аксененок А.Г., Богатуров А.Д., Звягельская И.Д., Истомин И.А., Казанцев А.А., Кузнецов В.А., Манойло А.В.⁴ Отдельные вопросы истории российской политики в регионе были рассмотрены Закаурцевой Т.А., Печатновым В.О., Медведевым Ж.А., Медведко Л.И.⁵

Среди иностранных ученых, изучавших место Ближнего Востока в мировой политике и международных отношениях, можно выделить З.Бжежинского, Д.Йергина, Г.Киссинджера, Э.Саида, С.Хантингтона⁶. Кроме того, региону уделили внимание видные представители современной школы

³ Ачкасов В.А. Идеология евроислама: Тарик Рамадан и Басам Тиби // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2012. Т. 8, № 1. С.190-199; Баконина М.С. Ислам в России: болевые точки, явные и тайные// Ислам в России: культурные традиции и современные вызовы. Материалы международной научной конференции. Отв. ред. Т.Г.Туманян. СПб., 2013 г. С. 32-38; Видясова М.Ф., Орлов В.В. Политический ислам в странах Северной Африки. История и современное состояние. М.: Издательство МГУ, 2008. 512 с.; Герасимов И.В. Особенности политического развития суданского государства и традиционные религиозные институты// Ислам в России: культурные традиции и современные вызовы. Материалы международной научной конференции. Отв. ред. Т.Г.Туманян. СПб., 2013 г. С. 39-43; Гуторов В.А. Дихотомия Восток-Запад как проблемный фактор типологизации политических систем// Ислам в России: культурные традиции и современные вызовы. Материалы международной научной конференции. Отв. ред. Т.Г.Туманян. СПб., 2013 г. С.44-50; Дьяков Н.Н. Мусульманский Магриб. Шерифы, тарикаты, марабуты в истории Северной Африки. (Средние века, новое время). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008. 344 с.; Ланцов С.А. Исламистский экстремизм как угроза безопасности постсоветской Центральной Азии в начале XXI в.// Ислам в России: культурные традиции и современные вызовы. Материалы международной научной конференции. Отв. ред. Т.Г.Туманян. СПб., 2013 г. С. 60-63; Ислам в политике: идеология или прагматизм? Аналитический доклад Международного дискуссионного клуба Валдай / В.Наумкин, А.Аксененок, Б.Долгов и др. — ИВ РАН, РИА Новости, СВОП, 2013. 58 с.; Орлов В. Марокко: монархия и ислам в условиях многопартийности // Россия и мусульманский мир. 2010. № 5. С. 128–137; Исламские радикальные движения на политической карте современного мира/под ред. А.Д.Саватеева, Э.Ф.Кисриева, М.: Институт Африки РАН, 2015. 423 с.; Ходынская-Голенищева М. «Ливийский урок». Цель оправдывает средства? М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2013. 256 с.

⁴ Звягельская И., Аксененок А. Слушать музыку революции // Россия в глобальной политике. 2014. № 4. С. 170–181; Богатуров А. Три поколения внешнеполитических доктрин России [Электронный ресурс]//Сайт журнала «Интертренды». URL: <http://www.intertrends.ru/thirteen/005.htm>; Байков А.А., Истомин И.А. КАРТ-БЛАНШ. Вызовы России на Ближнем и Среднем Востоке [Электронный ресурс]//Независимая газета. 2013. 27 декабря. URL: http://www.ng.ru/world/2013-12-27/3_kartblansh.html; Казанцев А. «Большая игра» продолжается [Электронный ресурс]// Сайт Университета МГИМО. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document226412.phtml>; Трансформация в арабском мире и интересы России. Аналитический доклад / В. Наумкин, А. Аксенок, И. Звягельская, В. Кузнецов. М.: Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2012. 92 с.

⁵ Печатнов В., Закаурцева Т. МИД и внешняя политика СССР в 1956-1984 гг.// Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802—2002: В 3 т. Т. II. Под ред. Иванова И.С. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2002. 617 С.; Медведев Ж. Сталин и еврейская проблема. Новый анализ. М.: АСТ, 2004 г., 256 с.; Триединство. Россия перед близким Востоком и недалеким Западом. Научно-литературный альманах, выпуск 1, 2012. 2-ое издание, дополненное. М.: Грифон, 2012 – 560 с.

⁶ Brzezinski Z., Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power. Basic Books, 2012; Yergin D. The Quest: Energy, Security, and the Remaking of the Modern World. Penguin Press HC. 816 p.; Kissinger H. World Order. NY.: Penguin Press, 2014; Said E. Orientalism. NY: Penguin Books, 2007; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2006.

реализма в международных отношениях К.Лейн, Дж.Миршаймер, С.Уолт⁷ и эксперты-практики, обладающие опытом работы в различных ведомствах правительства США – Д.Роткопф и Р.Хаас⁸.

В то же время обзор научных публикаций демонстрирует малую изученность ближневосточного направления в контексте глобального характера российских внешнеполитических интересов, в особенности на современном этапе «революционных» потрясений и распространения насилия в регионе. Смены политических режимов и боевые действия, охватившие значительное число стран региона, в сочетании с изменением роли и степени участия внешних акторов еще не нашли системного и комплексного отражения в работах российских и зарубежных ученых. События осени 2015 г. в полной мере стали неожиданными для научного и экспертного сообщества и требуют от него должного уровня осмысления и анализа.

Следует отметить, что в российской науке о международных отношениях и мировой политике практически нет работ, использующих в качестве основного метода дискурсивный подход критической геополитики. Данное направление научной мысли развивается и в российской академической среде, но явно недостаточно. В качестве основных сторонников данного метода можно назвать Колосова В.А., Окунева И.Ю.⁹ и др. Колосова В.А, являющегося в настоящее время президентом Международного географического союза, можно, пожалуй, считать первопроходцем критической геополитики в отечественной науке, напрямую сотрудничающим с одним из основателей

---

⁷ Layne C. From Preponderance to Offshore Balancing: America's Future Grand Strategy// International Security, Vol. 22, No. 1 (Summer, 1997).; Mearsheimer J. A Return to Offshore Balancing//The Newsweek, 30.12.2008; Walt S. U.S. Middle East Strategy: Back to Balancing//The Foreign Policy, 21.11.2013. URL: <http://foreignpolicy.com/2013/11/21/u-s-middle-east-strategy-back-to-balancing/>

⁸ Rothkopf D. President Obama Is Wrong — The Iran Deal Is Transformational. The big question is, what is actually being transformed? [Electronic resource]// The Foreign Policy. 2015. 20 July. URL: <http://foreignpolicy.com/2015/07/20/obama-is-wrong-the-iran-deal-is-transformational-israel-middle-east/>; Haass R. The new Middle East [Electronic resource]// The Foreign Affairs, November/December 2006 ISSUE. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/62083/richard-n-haass/the-new-middle-east>.

⁹ Колосов В.А. Критическая геополитика: основы концепции и опыт ее применения в России [Электронный ресурс]// Политическая наука № 4, 2011 г. URL: <http://fictionbook.ru/static/trials/10/24/54/10245453.html>; Окунев И.Ю. Что случилось с геополитикой? [Электронный ресурс]// Российская ассоциация политической науки. URL: <http://www.rapn.ru/in.php?part=1&gr=1623&d=4198&n=35&p=0&to=>.

этого направления – Дж.Тоалом¹⁰. Более того, критический подход к рассмотрению геополитических теорий можно проследить в работах петербургских ученых – Зеленовой (Алексеевой) И.В., Зеленева Е.И. и их соавтора Якунина В.И., ныне москвича, поскольку данное ими определение геополитики и ее отличия от «школ географического детерминизма» подразумевает политическое целеполагание и целедостижение¹¹.

Однако до сих пор не было предпринято попытки реконструировать российский официальный внешнеполитический дискурс во всей его совокупности и определить соотношение его внутренних элементов. Нет также специальных комплексных монографий или даже статей, системно рассматривающих актуальные вопросы геополитической ситуации на Ближнем Востоке среди внешнеполитических приоритетов Российской Федерации.

Цель исследования – реконструировать геополитический дискурс Российской Федерации и определить место региона Ближнего Востока в нем.

Для достижения данной цели необходимо решить ряд задач. Во-первых, изучить взаимосвязь геополитической мысли и внешнеполитической стратегии, определить влияние геополитических концепций на принятие внешнеполитических решений. Во-вторых, путем анализа официальных доктрин, концепций и других документов, а также речей руководителей российского государства воссоздать российский формальный геополитический дискурс и дать характеристику его основным элементам. В-третьих, выделить ближневосточный вектор в полученном дискурсе и провести сравнительный анализ с другими направлениями последнего. В-четвертых, необходимо выделить и охарактеризовать основные изменения, произошедшие на Ближнем Востоке в результате «арабской весны» и в последовавшем периоде, определить их значение в региональном и глобальном масштабах. В-пятых,

---

¹⁰ См. Колосов В. Тоал Д. Нестабильность на Северном Кавказе и современная российская геополитическая культура// 2009 Вестник общественного мнения, № 2 (100) апрель–июнь 2009. С. 38-54.

¹¹ Алексеева И.В., Зеленов Е.И., Якунин В.И. Геополитика России: Между Востоком и Западом. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2001. С. 74-75.

См. также: Якунин В.И., Зеленов Е.И., Зеленева И.В. Российская школа геополитики. СПб.; Изд-во СПбГУ, 2008. 368 с.; Зеленева И.В. Геополитика и геостратегия России (XVIII - первая половина XIX века). СПб.; Изд-во СПбГУ, 2005. 270 с.

проанализировать соответствие полученных результатов реалиям современного Ближнего Востока и провести сравнительный анализ российских и американских дискурсов на данном направлении.

Объект настоящего исследования – концептуальные основы внешней политики России на Ближнем Востоке в XXI веке.

Предметом исследования являются геополитически обусловленные приоритеты Российской Федерации на Ближнем Востоке и их место в общей системе российской внешней политики.

Теоретико-методологическая основа исследования. Указанные цели и задачи исследования предполагают использование широкого спектра методов, среди которых важное место занимают синхронный, ретроспективный, структурный и сравнительный. Значительное внимание было уделено методам критической геополитики, в особенности дискурс-анализу. Представляется, что критическая геополитика позволяет отразить динамичный и переменчивый характер мировой политики и международных отношений.

Хронологические рамки данного исследования ограничены концом 1990-х годов и декабрем 2015 г. В качестве нижнего порога была избрана дата начала исполнения В.Путиным обязанностей президента Российской Федерации (31 декабря 1999 г.). Сопоставление места и роли Ближнего Востока во время трех президентских сроков В.Путина и одного Д.Медведева дает возможность не только выявить место ближневосточного вектора среди приоритетных направлений российской геополитики, но и синхронно проследить изменения последнего.

Территориальные рамки исследования охватывают Россию, США, страны Европейского союза и государства Ближнего Востока. В российских доктринальных документах нет единого определения последнего термина, а число стран, включаемых в состав региона, непостоянно. Аналогичная картина наблюдается и за рубежом: число различных наименований обширных территорий Северной Африки и Передней Азии в англоязычной литературе не перестает увеличиваться. Зачастую, выработка нового термина происходит в

рамках новой геополитической доктрины, как это было в период президентства Дж.Буша-мл. В данной работе диссертант в ходе анализа геополитического дискурса той или иной страны ориентировался на используемое в данном нарративе определение. В случае отсутствия такового под термином «Ближний Восток» диссертант понимал территории, на которых расположены следующие государства: Алжир, Бахрейн, Египет, Израиль, Иордания, Ирак, Иран, Йемен, Катар, Кувейт, Ливан, Ливия, Мавритания, Марокко, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Палестина, Саудовская Аравия, Сирия, Судан, Тунис и Турция. При этом Пакистан и Афганистан рассматриваются как прилегающие к данному региону государства, но не включаются в его состав. В работе используется термин «Запад», также рассматриваемый как элемент различных геополитических концепций и обозначающий, прежде всего, США и государства Западной Европы.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1. Впервые в отечественной научной литературе проведен комплексный анализ российской внешней политики как дискурсивной практики путем использования методов критической геополитики.
2. Создана иерархия задач и направлений российского формального геополитического дискурса.
3. Получены сведения о «непервичности» Ближнего Востока в перечне региональных приоритетов внешней политики России, среди которых наибольшее внимание уделяется странам СНГ и Европейского союза.
4. Выявлена «инструментальная» функция региона Ближний Восток в рамках ключевого для российской геополитики противостояния гегемонистским устремлениям США.
5. Отмечена взаимосвязь между подходами СССР и современной России к выстраиванию внешней политики на ближневосточном направлении.
6. Проведено сопоставление российской и американской геополитических стратегий на Ближнем Востоке во втором десятилетии XXI века.

7. Выявленные узловые точки российского формального геополитического дискурса позволяют прогнозировать его дальнейшее развитие в ближне- и среднесрочной перспективах.

На защиту выносятся содержащие новизну основные положения, полученные в результате проведенного исследования:

- основными структурообразующими элементами российского формального геополитического дискурса («узловыми точками») является то, что Россия противостоит усилиям США по сохранению однополярного мира; рассматривает себя как мировую державу с высоким уровнем ответственности и авторитетности и один из полюсов многополярного мира; основывает свою зарубежную деятельность в двухсторонних отношениях и в глобальных и региональных институтах межгосударственного сотрудничества на принципах международного права и существующих инструментах коллективного разрешения международных проблем;

- ключевыми векторами (географическими «узловыми точками») российской формальной геополитики являются СНГ – постсоветское пространство – и Европа. Начиная с 2014 г. наряду с СНГ на первый план выходит Азиатско-Тихоокеанское направление;

- ближневосточный вектор является непервостепенным в общей иерархии приоритетов российской внешней политики и функционально ограниченным. Его содержание в рамках российского формального геополитического дискурса зачастую сводится к проблеме ближневосточного урегулирования. При этом российская геополитика не располагает готовыми концепциями решения данного вопроса, в особенности в условиях дестабилизации обстановки в регионе в целом;

- события, происходящие в регионе Ближнего Востока, рассматриваются в рамках российского формального геополитического дискурса в первую очередь как аргументы, свидетельствующие о негативных последствиях внешней политики США в регионе – т.е. в контексте противостояния гегемонистским устремлениям США;

- формирующиеся в настоящее время на Ближнем Востоке новые «эндогенные» геополитические концепции, рассматривающие Россию и США в качестве одних из многих акторов, также находятся за пределами российского формального геополитического дискурса.

Практическая значимость работы. Рассмотрение внешней политики России в качестве дискурсивной практики призвано способствовать более глубокому пониманию ее концептуальных основ, целей и задач в первую очередь как единой системы, в рамках которой различные географические направления существуют в тесной взаимосвязи с «тематическими» ориентирами. Сопоставление реконструированного в результате исследования геополитического дискурса России с внешнеполитическими нарративами других стран позволит четко определить совпадающие цели и задачи, а также имеющиеся противоречия.

Материалы и выводы диссертации могут быть использованы в работе внешнеполитических ведомств и политологических институтов при реализации внешнеполитического курса нашей страны и оценке судьбоносных событий на мировой арене, а также в высших учебных заведениях для подготовки лекционных курсов для студентов бакалавриата, специалитета, магистрантов и аспирантов.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что ее положения вносят вклад в науку о международных отношениях и мировой политики в части, непосредственно связанной с внешнеполитической деятельностью России, направленной на обеспечение глобальной, региональной и национальной безопасности, на отстаивание своих национальных интересов, на борьбу с терроризмом и помощь другим государствам в защите их суверенитета, независимости и экономического развития.

Эмпирическая база исследования включает следующие группы источников:

- официальные документы Российской Федерации (Концепция внешней политики Российской Федерации в трех редакциях, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации в двух редакциях, Военная доктрина Российской Федерации и др.);

- официальные документы США (Стратегия национальной безопасности США в двух редакциях и др.);

- официальные документы КНР (Белая книга Министерства обороны КНР и др.);

- официальные документы ЕС (Европейская стратегия энергетической безопасности и др.);

- официальные заявления главы государства, премьер-министра, министра иностранных дел, других официальных представителей России, США, ЕС, Великобритании, Саудовской Аравии и др.

Использованные документы и источники изданы на русском, английском, арабском и немецком языках.

Из основных документов, изученных в процессе написания работы, следует выделить Концепцию внешней политики Российской Федерации в трех редакциях, а также Концепцию национальной безопасности и Стратегию национальной безопасности до 2020 г. Помимо указанных документов были изучены ряд заявлений Президентов России В.Путина и Д.Медведева, министра иностранных дел С.Лаврова, а также ресурсы официальных сайтов президента России, Совета безопасности России, Министерства иностранных дел России. С аналогичным вниманием автор исследовал ряд доктринальных внешнеполитических документов США.

В процессе написания работы автор для получения наиболее актуальных сведений о событиях широко использовал возможности **средств массовой информации**, прежде всего ведущих мировых новостных агентств и печатных изданий. Мониторинг СМИ проводился с учетом наличия в них определенного идеологического уклона, поддержки определенных политических и экономических учений.

В качестве основных печатных источников информации были использованы газеты «Известия», «Коммерсант», «Независимая газета», «Новая газета», «Российская газета», «The Independent», «Jerusalem Post», «The New York Times», «The Times of Israel», «The Washington Post», «Аш-Шарк аль-Аусат», журналы «The Economist» и «The Foreign Policy».

В целом, можно отметить, что развитие современных телекоммуникационных технологий существенно расширило доступ исследователей к актуальной информации, носящей не только событийный, но и аналитический, и прогностический характер. Электронные ресурсы СМИ дают возможность ознакомиться со внешнеполитическими позициями всех сторон, что повышает фундированность научного анализа.

Кроме того, в процессе написания работы диссертант имел возможность ознакомиться с рабочими записями, предоставленными сотрудниками российских дипломатических представительств в арабских странах, а также использовал сведения, полученные в ходе полевых работ в государствах Ближнего Востока.

Апробация результатов исследования. Положения диссертации и ее выводы обсуждались на заседаниях кафедры мировой политики СПбГУ, а также в ходе круглых столов на факультете международных отношений СПбГУ, посвященных внешней политике России и международным отношениям в регионе Ближнего Востока. В ходе поездок в страны региона автор неоднократно обсуждал содержание диссертации с представителями экспертных и внешнеполитических кругов, находя у них поддержку высказанным идеям. По теме исследования автором опубликованы 3 работы в журналах, включенных в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования, общим объемом 3,8 п.л.

Структура работы подчинена решению задач исследования. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ.

Во введении определяются актуальность исследуемой темы, степень ее изученности и разработанности, цели и задачи исследования, его объект и предмет, теоретико-методологическая основа, хронологические и территориальные рамки, научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации, сформулированы положения, выносимые на защиту, приведена характеристика эмпирической базы исследования.

Первая глава «геополитическая мысль и внешняя политика» состоит из четырех разделов и посвящена изучению основных геополитических концепций с момента зарождения данного направления мысли в конце XIX - начале XX веков, их последующему анализу с позиций критической геополитики, выявлению места Ближнего Востока в данных построениях и определению влияния на внешнеполитическую деятельность того или иного государства.

В первом параграфе «Актуальность геополитики» отмечается, что растущее в настоящее время внимание к геополитике в научных и политических кругах различных стран мира связано с необходимостью осмысления наблюдаемых событий и создания концептуальной базы для выработки новых курсов, в том числе и на Ближнем Востоке. В то же время идеи географического детерминизма встречались еще в античное время и в Средние века.

Во втором параграфе «Эпоха классической геополитики» рассматриваются идеи «отцов» геополитики – Ф.Ратцеля, Р.Челлена, А.Мэхэна, Х.Маккиндера, К.Хаусхофера. Отдельно внимание уделено распространению геополитических идей в Российской империи как в виде географического детерминизма, распространенного среди представителей философских течений западников и славянофилов, так и первых подлинно геополитических концепций А.Е.Вандама и Е.Н.Квашнина-Самарина.

Уже на своих первых этапах становления как науки геополитика приобрела характер дискурсивной практики, формируемой политическими элитами и/или близкими к ним научными кругами, оправдывающей экспансивную и империалистическую внешнюю политику. Апеллирование к географическим особенностям того или иного государства носило в значительной степени геостратегический характер. «Классические» геополитики ставили перед собой задачу максимальной экспансии государства и рассматривали различные способы ее достижения. Сформированные ими доктрины стали основой внешнеполитической практики ряда государств, в том числе США и Германии. В рамках классических геополитических концепций Ближний Восток характеризовался как «периферийная» зона – объект для экспансии и арена борьбы морских или континентальных держав. Контроль над данным регионом имел первостепенное значение в американской школе «талассократии» (А.Мэхэн), поскольку вдоль побережья арабских стран пролегал морской путь в Индию. Ближневосточная политика держав «Антанты» 1910-х гг., в частности Великобритании, направленная на решение главных проблем того периода, заложила основы большей части региональных проблем современности, в особенности, арабо-израильского конфликта.

В третьем параграфе «Геополитика холодной войны» рассматриваются геополитические концепции держав-лидеров двух противостоящих блоков данного периода. Отмечается, что как научное направление геополитика развивалась в первую очередь на Западе. В Советском Союзе данная школа внешнеполитической мысли находилась под запретом, а геополитические концепции формировались в рамках господствовавшей философии марксизма-ленинизма.

В США в период холодной войны геополитика активно использовалась истеблишментом для подведения теоретической базы под борьбу с Советским Союзом, ареной для которой служил весь мир и в немалой степени Ближний Восток. Одним из ранних авторов – Н.Спайкменом – была разработана концепция «баланса сил» и обоснована необходимость вмешательства США в

дела Европы, в том числе с целью сдерживания советской экспансии. Спайкмен также одним из первых обратил внимание на приоритет так называемой «внешней литторали», включавшей в себя Ближний Восток, над «хартлендом» в рамках борьбы за мировое господство. Идеи Н.Спайкмена совместно с представлениями Дж.Кеннана об основах советской внешней и внутренней политики легли в основу глобальной политики сдерживания. Практическое оформление последняя получила в доктрине Трумана, которая обуславливала необходимость американской помощи Греции и Турции как защиту от советской экспансии в Южной Европе и на Ближнем Востоке. Советским руководством эта доктрина была интерпретирована как свидетельство экспансионистской политики США и, следовательно, как повод для сплочения свободного мира вокруг СССР. «Прыжок» СССР через систему глобального сдерживания был сделан именно на Ближнем Востоке. Следующими витком спирали холодной войны стала доктрина Эйзенхауэра, подлинной целью которой было недопущение прихода к власти в арабских странах сторонников СССР.

Развитие американского и советского политических дискурсов привело к превращению Европейского континента в зону геополитического противостояния, а страны Ближнего и Среднего Востока, Азии и Южной Америки в арену острой борьбы за влияние и контроль. Идеологизированные геополитические представления привели к ряду ближневосточных кризисов (суэцкому 1956-57 гг., сирийскому 1957 г. и др.), стали оправданием участия США и СССР в гражданских войнах в Корее и Вьетнаме.

В четвертом параграфе «Современная геополитика» исследуется развитие геополитической мысли в период после окончания холодной войны. Завершение глобального противостояния потребовало реформирования геополитических концепций. Большая часть из них была пересмотрена в сторону обоснования необходимости глобального доминирования США, определения возможных способов решения новых вызовов и угроз.

Последствия столкновения американского глобального

интервенционизма и исламистского экстремизма можно наблюдать сейчас в целом ряде государств Северной и Западной Африки, Ближнего и Среднего Востока. Существовавшие в различные периоды времени геополитические концепции, зачастую обладавшие малой степенью объективности и научности, оказали значительное влияние на международные отношения и мировую политику. В частности, крупнейшие политические проблемы Ближнего Востока, включая арабо-израильское урегулирование и распространение исламистского экстремизма и терроризма, являются следствием порою слишком абстрактных внешнеполитических стратегий внешних акторов в первую очередь России/СССР и США.

Вторая глава «Геополитика России» состоит из двух разделов и посвящена реконструированию формального геополитического дискурса Российской Федерации.

В **первом параграфе** «Узловые точки российского дискурса» отмечается, что наиболее устойчивыми моментами российского геополитического дискурса на протяжении первых 15 лет XXI века являются два постулата: намерение России добиваться формирования многополярной системы международных отношений и закрепление статуса нашей страны в качестве одного из полюсов; и обеспокоенность усилением тенденции к созданию однополярной структуры мира при экономическом и силовом доминировании США. При этом стремление Вашингтона к однополярному миру является ключевой проблемой российской геополитики, а предлагаемое Москвой полицентричное устройство мира – основной стратегией ее решения, направленной, среди прочего, на сохранение условий «ялтинско-постдамского» мира. Акцент на противостоянии с США был характерен и для советской внешней политики эпохи холодной войны.

Во **втором параграфе** «Географические «узловые точки» геополитики России» рассматриваются страны и регионы земного шара, которые регулярно упоминаются во внешнеполитических доктринальных документах и речах главы государства, посвященных основам внешней политики России, и

занимающие в этих текстах иерархически более значимое место по сравнению с другими направлениями.

Выделяются следующие векторы: страны СНГ; европейское направление; США; Китай; Индия; и Азиатско-Тихоокеанский регион. Акцент делается на дальнейшую интеграцию и сотрудничество в области безопасности, экономической и политических сферах, не только в рамках СНГ, но и с помощью таких механизмов как Союзное государство России и Белоруссии, Таможенный союз, Евразийский экономический союз, Организация Договора о коллективной безопасности и др. Вторым по значимости направлением являются отношения с Европой. Последняя при всех существовавших и существующих разногласиях была и остается одним из важнейших партнеров России. Приоритетная задача российской геополитики на данном направлении – продвижение к созданию единого экономического и гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана. Отношения с США носят двойственный характер и колеблются между дружественными заявлениями и призывами российской стороны к расширению двухстороннего сотрудничества и негласного соперничества на глобальном уровне, зачастую выражающегося в критике американского гегемонизма. Синхронный анализ демонстрирует о постоянном противопоставлении целей двух государств в российской формальной геополитике. Обстановка на Ближнем Востоке зачастую используется в качестве аргумента, свидетельствующего о пагубности последствий односторонней политики Вашингтона.

Третья глава диссертации «Ближний Восток в российской формальной геополитике» посвящена изучению места этого региона в российской формальной геополитике, в том числе в сопоставлении с узловыми точками дискурса и другими географическими векторами.

В первом параграфе «Ближний Восток в Концепциях внешней политики России» раскрываются представления о месте региона в российской геополитике. Несмотря на то, что границы региона в дискурсе варьируются, и

данный вектор нельзя охарактеризовать как узловую точку или значимый региональный момент, на данном направлении существует несколько объектов постоянного внимания Москвы. Таковым на протяжении всего рассматриваемого периода является процесс арабо-израильского урегулирования, который трактуется в том числе и как основная причина дестабилизации обстановки в регионе. По мере развития событий данный вектор был также дополнен вопросами иранской ядерной программы, стабилизации обстановки в Ираке и, наконец, представлениями о глубинных сдвигах в геополитическом ландшафте, произошедших на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Постоянным рефреном, сопровождающим отображение данных феноменов в российской геополитике, является критика попыток «исторического Запада» сохранить свое лидирующее положение в мире, в том числе путем односторонних действий вне механизмов ООН и в нарушение основ международного права. В связи с этим делается вывод, что ближневосточный вектор определяется в рамках дискурса через узловую точку-проблему – «противостояние гегемонистическим устремлениям США».

Во **втором параграфе** «Анализ поставленных в дискурсе проблем Ближнего Востока» диссертант подвергает ближневосточное направление российской геополитики анализу при помощи предложенного Дж.Тоалом метода, предполагающего, что дискурс является одновременно способом и постановки политических проблем, и вариантом их решения.

Приоритетный характер на протяжении рассматриваемого в работе 15-летнего периода носит вопрос арабо-израильского урегулирования. Участие в разрешении данной проблемы является основным способом проекции российского влияния в регионе в рамках глобального противостояния с США и, следовательно, «ответом». С аналогичной целью используется проблематика, связанная с иранской ядерной программой. «Востребованность» темы арабо-израильского конфликта у «арабской аудитории» больше, чем у ключевых для российского дискурса вопросов построения многополярного мира и необходимости ограничения влияния США, но и она в настоящий момент

начинает отходить на второй план даже в дискурсе религиозных экстремистов и террористов. Ближний Восток в большей степени интересуют снятие санкций с Ирана, конфликты в Сирии и Йемене и борьба с террористической организацией «Исламское государство». Эти «треки» являются составными частями единой проблемы – широкомасштабной борьбы за лидерство в регионе.

В **третьем параграфе** «Нераскрытые» направления» рассматривается ряд аспектов, не включенных в рамках российской формальной геополитики в ближневосточный контекст, а именно афганское, иранское и турецкое направления, а также вопросы борьбы с терроризмом и экстремизмом.

Афганское направление традиционно рассматривается в российском формальной геополитике как фактор угрозы. Нестабильная обстановка в исламской республике создает почву для экспорта терроризма и экстремизма в страны Центральной Азии. При этом положение в стране используется как наглядный пример негативных последствий действий международных сил под руководством США. В свою очередь, при всей широте спектра отношений с Тегераном, включающим борьбу с международным терроризмом, стабилизацию обстановки в Ираке и Сирии, арабо-израильское урегулирование и др., иранский момент в российском формальном дискурсе имеет значение лишь в связи с иранской ядерной программой. Причина такой расстановки акцентов заключается в том, что вопрос иранской ядерной программы наиболее полно соответствует узловым точкам «построения многополярного мира» и «противостояния гегемонистическим устремлениям США». Москва использует отношения с Тегераном, как инструмент воздействия на Вашингтон. Турецкий вектор, в отличие от перечисленных выше, фактически отсутствует в перечне узловых точек и моментов российского формального геополитического дискурса. В то же время по своей экономической и политической значимости на мировой арене в целом и для России в частности Турция намного опережает другие страны не только Ближнего Востока, но и Европы. Поскольку Анкара включена в каждую ближневосточную проблему, рассматриваемую в

российском дискурсе, то, несмотря на значительное обострение отношений, вызванное событиями ноября 2015 г., существует объективная необходимость поисков пути взаимодействия двух государств.

В четвертом параграфе «Характеристика ближневосточного вектора российской геополитики» на основе сопоставления полученных результатов анализа с практикой внешнеполитической деятельности России дается характеристика места и роли ближневосточного направления в российском формальном геополитическом дискурсе.

Ближний Восток является одним из приоритетных регионов для узловых точек «построение многополярного мира и закрепления статуса России как одного из полюсов» и «борьба с гегемонизмом США». Наиболее тесно данное направление связано с последней. Регион регулярно используется в российской формальной геополитике как наглядный пример негативных последствий политики, проводимой Вашингтоном. Данная особенность была также характерна для внешней политики СССР. Подобный «консервативный» подход оставляет за пределами дискурса многие актуальные для региона проблемы: распад государств и границ, сложившихся в XX веке, растущее число вооруженных внутривосточных конфликтов, распространение политического ислама и религиозного экстремизма, усиление противоречий между суннитской и шиитской ветвями ислама, что может привести к разделению региона на два лагеря.

Четвертая глава диссертации «Соответствие дискурса текущим реалиям» состоит из девяти параграфов и посвящена анализу согласованности реконструированного диссертантом формального геополитического дискурса Российской Федерации с текущими реалиями международных отношений и мировой политики в целом и на Ближнем Востоке в частности.

В первом параграфе «Наращение геополитических противоречий» рассматриваются изменения в дискурсе России и США, постепенный переход противоречий между странами Запада и Россией по вопросу внутривосточного кризиса на Украине на уровень «новой холодной войны».

Первоначально встречавшиеся лишь в публичном и практическом геополитических дискурсах США утверждения о том, что Россия является страной агрессором, вмешивающимся во внутреннюю политику Украины, стали не просто моментами, но узловыми точками американского формального геополитического дискурса. Москва, в свою очередь, уверена, что революция в Киеве была совершена по инициативе и при помощи Запада. Призывы России к формированию совместной коалиции для борьбы с общим врагом – международным терроризмом – не находят в полной мере понимания и поддержки в столицах стран блока НАТО.

Во **втором параграфе** «Последние изменения американского формального дискурса» исследуется адаптация американской геополитики к текущими реалиям.

По мнению Вашингтона, мир в настоящее время переживает некий «осевой момент», который понимается как переформатирование глобального мироустройства. В связи с этим возникает необходимость организации глобальной системы союзов для борьбы с новыми общемировыми вызовами и угрозами, которые включают в себя российскую агрессию в Восточной Европе, экстремизм, терроризм, кибер-атаки, изменение климата и распространение опасных инфекций. Новая система мироустройства будет создана путем перестройки прежней, сконструированной на основе международного права победителями Второй мировой войны.

Среди прочего, США намерены предпринять ряд шагов с целью изменения политики России, прежде всего, ограничить возможность использования «энергетического оружия» для оказания давления на Европу. В этом контексте сохраняется значимость Ближнего Востока, как региона, оказывающего значительное влияние на мировые рынки углеводородов. Несмотря на большое количество региональных задач, Вашингтон декларирует курс на сокращение прямого участия вооруженных сил США в операциях на Ближнем Востоке. Большая ответственность будет возложена на региональных партнеров – Израиль, Иорданию и арабские монархии Персидского залива.

В третьем параграфе «Изменения в дискурсах европейских государств» характеризуются последние модификации европейской геополитики. Имеющиеся в публичном доступе источники дают возможность определить направление внешней политики, консенсусное для всего союза и претерпевшее ряд коренных изменений в связи осложнением отношений между Россией и странами Запада, а именно энергетику.

Ключевым новшеством является представление о России как об угрозе энергетической безопасности старого света. Высокий уровень зависимости от российских поставок нефти и природного газа открыто называется источником рисков. Как следствие, европейские власти намерены ограничить участие во владении транспортной и перерабатывающей инфраструктурой «неевропейских структур» – организаций, контролируемых ключевыми поставщиками, а также рассмотреть возможность диверсификации источников поставок углеводородов. Регион Ближнего Востока в данном контексте рассматривается как альтернативная ресурсная база, призванная спасти Европу от зависимости от российских энергоносителей.

В четвертом параграфе «Реакция России на текущие изменения» проводится анализ перемен, произошедших в российской формальной геополитике на фоне обострения противоречий с Западом в середине второго десятилетия XXI века.

Российский формальный геополитический дискурс сохранил все перечисленные нами ранее узловые точки и моменты. При этом, в нем укрепились представления о наличии системных проблем в организации европейской безопасности и общемировой системы международных отношений, возникших в результате действий США, стремящихся к закреплению своего глобального превосходства. События на Украине рассматриваются как следствие долгосрочной политики Вашингтона. Ближний Восток также стал зоной экстремизма в результате односторонних действий стран Запада, которые преследуя краткосрочные цели, проигнорировали стратегические вопросы глобального масштаба, а именно рождение нового

мироустройства. Несмотря на заявления о том, что целью Москвы является построение партнерских отношений с ЕС, создание единого экономического и гуманитарного пространства от Лиссабона до Ванкувера, доля «риторики холодной войны» в дискурсе увеличивается.

В пятом параграфе «Новая военная доктрина России» диссертант рассматривает текст новой Военной доктрины Российской Федерации от 14 января 2015 г. как образец фиксации отмеченных выше изменений российской геополитики. Согласно последней, широкомасштабная война является маловероятной, а основную угрозу миру и стабильности всех государств представляют многочисленные неурегулированные региональные конфликты. Односторонние действия НАТО и США также характеризуются как основной вызов безопасности как России, так и миру в целом. Таким образом, очевидно значительное усиление узловой точки «противостояние гегемонистическим устремлениям США». Узловая точка «построение многополярного мира» отражена в виде акцента на использование форматов многостороннего сотрудничества для разрешения и предотвращения военных конфликтов, прежде всего, «не-западных», таких как БРИКС, ОДКБ, СНГ, ОБСЕ и ШОС. Ближний Восток в новой Военной доктрине носит характерный для российской геополитики инструментальный характер.

В шестом параграфе «Геополитическая структура региона» рассматриваются геополитические концепции, реализовывавшиеся на Ближнем Востоке с начала XX в. Основной характеристикой последних является зависимость правящих режимов в регионе от внешнего актора, который обеспечивает их стабильность и безопасность. В начале XX в. таким актором была Великобритания, во второй половине столетия уступившая эту роль США. Основной геополитической стратегией Белого Дома на Ближнем Востоке является «внешнее балансирование» («offshore balancing»), сформировавшееся в рамках американской школы реализма в качестве альтернативы глобальной послевоенной стратегии «превосходства» («preponderance»). Ее частным проявлением, например, является региональная политика «двух столпов»

администрации Р.Никсона. В начале 90-х годов прошлого века Вашингтон перешел к политике «двойного сдерживания» с целью недопущения усиления какого-либо из двух враждебных США и их региональным союзникам режимов в Багдаде и Тегеране. Годы президентства Дж.Буша-мл. были отмечены политиками «войны с терроризмом» и «региональной трансформации», которые априори подразумевали еще большее участие внешнего актора в жизни региональных государств. Константой американского геополитического нарратива остается глобальное лидерство, в том числе в регионе Ближнего Востока. Изменения касаются лишь способов достижения и сохранения этого положения.

В седьмом параграфе «Арабская весна» и реакция российской геополитики» рассматривается реакция российской геополитики на масштабные политические перемены на Ближнем Востоке. Российское руководство изначально негативно оценило перспективы развития ситуации на Ближнем Востоке, посчитав ее чреватой дезинтеграцией больших густонаселенных государств и последующему «пожару на десятилетия». Кроме того, в российском дискурсе «арабская весна» рассматривается в первую очередь в контексте вмешательства в суверенные дела региональных государств внешних сил – стран блока НАТО. Именно на сдерживании США основан подход России к сирийской проблеме, поскольку американская политика «экспорта» демократии, привела к обратному результату – усилению экстремизма и терроризма. Урегулирование сложившейся ситуации, по мнению Москвы, возможно лишь путем прекращения насилия и запуска общенационального диалога без предварительных условий, иностранного вмешательства и при уважении принципа государственного суверенитета.

В восьмом параграфе «Разрушение геополитической структуры региона» рассматривается проявившаяся в середине второго десятилетия XXI века тенденция масштабного переформатирования геополитической карты современного Ближнего Востока. Указанный феномен составляют две группы

проблем: «старые» проблемы, тлевшие в течение долгого времени, и «новые», возникшие как следствие революционных событий.

Ключевой из «старых» проблем является обострение противостояния между Саудовской Аравией и Ираном, на фоне планов США по полному или частичному переходу к политике «внешнего балансирования». В дискурсах региональных государств оно зачастую приобретает форму представлений о широкомасштабном противоборстве между суннитами и шиитами. Последние включают в себя тезисы о существовании враждебного лагеря, состоящего из основного противника и его сателлитов, в том числе «пятой колонны» в стане противника, которые постоянно предпринимают попытки расширить зону своего влияния. В результате внутривосточные проблемы в Ираке, Сирии и Йемене получили новое измерение – площадок региональной холодной войны, в которой главной задачей является не урегулирование внутреннего конфликта и борьба с терроризмом, а ослабление позиции противоборствующего блока. Несмотря на нейтральный характер российской формальной геополитики, участниками регионального противостояния Москва рассматривается в качестве основного союзника и внешнего патрона шиитского блока во главе с Ираном.

В то же самое время проблема суннитско-шиитского противостояния является составной частью новой и еще более широкомасштабной проблемы: распространении радикального исламизма и отказа от западных – «вестфальских» – представлений о государственному устройстве и международных отношениях. Эти идеи характерны как для маргинального круга радикальных салафитов, так и для широкого спектра сил, представляющих политический ислам. «Исламское государство» реализует схожие представления более радикальными способами и пытается спровоцировать масштабную «горячую» войну между суннитами и шиитами.

В девятом параграфе «Отражение текущих проблем в российском дискурсе» диссертант рассматривает особенность представления указанных выше тенденций в российской геополитике.

Суннитско-шиитское и арабо-иранское противостояния находятся за пределами российского формального геополитического дискурса. Руководство России понимает наличие внутриисламского и внутрирегионального расколов и сознательно избрало курс на невмешательство в данную проблему. В этой связи, операция ВКС России в Сирии, начавшаяся в конце сентября 2015 г., представляется исключительно как борьба с международным терроризмом и стремление стабилизировать обстановку в арабской республике. Религиозный фундаментализм и его проявления в виде «Исламского государства» оцениваются как абсолютное зло, однако их появление на Ближнем Востоке характеризуется как следствие действий США. При этом стратегия и тактика, реализуемые США и их партнерами против террористических группировок, оцениваются как неэффективные и нелегитимные, поскольку Вашингтон ведет «двойную игру», используя экстремистов в своих целях.

Во многом концептуально-философский вопрос о возможном разрушении в регионе вестфальской системы международных отношений находится за пределами российского дискурса, несмотря на внимание, которое формальная геополитика уделяет вопросам мироустройства.

В **заключении** диссертации формулируются выводы, к которым пришел автор по результатам исследования.

Диссертантом опубликованы в журналах, включенных в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования, следующие статьи:

1. Коновалов А.О. Активность Соединенных штатов Америки на Ближнем и Среднем Востоке в XXI веке// Вестник Орловского государственного университета, № 5(19), сентябрь-октябрь 2011 г. С. 308-311 – 0,98 п.л.
2. Коновалов А.О. Геополитические интересы США, России и арабских стран на Ближнем Востоке// Клио, № 2 (53), 2011 г. С. 159-162 – 1,02 п.л.
3. Коновалов А.О. Развитие «дискурса «холодной войны» как следствие внутривосточного конфликта на Украине// Вестник Орловского

государственного университета, № 4 (45), июнь-июль 2015 г. С. 338-345 – 1,62 п.л.

По теме диссертации была сделана публикация на английском языке на электронном ресурсе «Russia Direct», входящем в холдинг «Российская газета», под заголовком «Can Russia's war against ISIS help Lebanon address the refugee crisis?» (Russia Direct, 04 November 2015) – 0,41 п.л.